

ПИСЬМО ИЗ СЕЛЕВКИДСКОГО УРУКА

(К вопросу о «смерти» аккадского языка)

Среди клинописных текстов эллинистического времени, найденных при раскошках урукского святилища Бит-Реш, есть уникальный документ — частное письмо (BgM. Beih. 2.113). Это пока единственное известное нам письмо из селевкидского Урука, так как подобного рода тексты, сотнями насчитывающиеся для предыдущих периодов истории Вавилонии, почти совершенно иссякают в эпоху Селевкидов. Нижняя часть реверса таблички и концы некоторых строк повреждены, и это вместе с нестандартностью документа, упоминающего к тому же о неизвестных нам событиях, затрудняет его чтение, однако мы попытаемся дать здесь транслитерацию и перевод этого письма¹.

1 IM ^{md}DIŠ-^lTIN-su^l-[E]a-na ^{md}DIŠ-EN-šú-nu
2 u ^mNIĜ.SUM.MU-^dDIŠ EN.MEŠ-ú-a
3 ^dDIŠ u An-tum SILIM u TIN šá EN.MEŠ-ú-a
4 a-na u₄-mu sa-a-tú liq-bu-ú
5 EN U₄ 15 KAM šá ITI-i a-ga-a
6 DU₆ a-ni šu-lum ^{kuš}ši-pir-re-e-tú
7 šá ŠEŠ-já AŠ ITI DU₆ ul-te-bil-lak
8 AŠ SU^{li} šá ^mEN-TIN-su ^{lu}E^{ki}-ú
9 ha-tan šá ^mSal-la-a šá ul-tu
10 ^{uru}kap-ri Su-qa-a-a ù
11 ul taš-tur-am [mi?]-in
12 ki-i tu-qí (?) bil (?)-[...]
13 u ki-i ja-a-nu[...]
14 ^{uru}kap-ri Su-qa-a[...]
15 mé-du-ú li-tur-ak(?) a[...]
16 ^mHi-ru-tu-ú-su A šá ^mZu[ⁱ-lu-su]²
17 na-za-qāt AŠ nik-kas lib-bi KI-šú [epuš?]
18 tat-tur-ú-ru 2 ITI.MEŠ a-ga-a
19 ra-ⁱ-bi-i at-tu-šú-nu
20 iq-ti-ri-bu-ni a-na muh-^{hi}-in^l-ni
21 u ni-it-tal-lak-ku-ni ta-mar-šu
22 u i-qab-bu-ú ma-a a-na UNUG^{ki}
23 ni-bak-šú at-tu-nu en-na a-ga-a
24 qí-ri-ba-a a-na muh-^{hi} AD-šú
25 šá a-ni-ni a-su-us-su ni-ⁱip^l-pu-uš
26 ki-i pa-ni-[šu?] šak-nu aš-ma (?) [...]

От последних двух строк письма сохранилось лишь несколько знаков.

«Письмо Ану-балассу-икби к Ану-бел-шуну и Нидинту-Ану, господам моим. Пусть Ану и Анту изрекут моим господам на вечные времена здоровье и жизнь.⁵ До пятнадцатого дня этого месяца *ташриту* привет (и) послания брата моего в месяце *ташриту* я ведь послал тебе через Белубаллису, вавилонянина, зятя Цаллайи из ¹⁰деревни Сукайя, а ты не написал мне, чего ты ожидаешь (?) ... если нет Деревня Сукайя...
15 Пусть придет известие тебе (?) ... Хирутусу, сын Зоила, жаловался по

¹ Автор благодарит И. М. Дьяконова и Н. О. Чехович, предложивших прочтение ряда слов в публикуемом тексте.

² Имя восстановлено на основании текста BgM. Beih. 2. 114:4.

поводу расчета за землю (?) его. Он сердит на меня из-за доходов за эти два месяца.²⁰ Он приходил ко мне, и мы все время ходим друг к другу. Ты увидишь его, (ведь?) они говорят: в Урук мы его пошлем. Вы теперь идите к отцу его, ²⁵которого мы будем лечить. Если он намерен (?) ...».

Судя по месту находки письма, оно могло относиться к архиву жреца kalû («певца») из святилища Бит-Реш Ану-бел-шуну, сына Нидинту-Ану, из рода Син-леке-уннинни. Нидинту-Ану, упомянутый в письме, по всей видимости, — сын Ану-бел-шуну³. Оба персонажа жили в конце III — начале II в. до н. э., к этому же времени, следовательно, относится и публикуемый документ. Ану-бел-шуну упомянут в качестве владельца таблички с текстом строительного ритуала для жрецов kalû (BgM. Beih. 2. 12: rev. 5; 200 г. до н. э.), он же встречается в родословной своего внука Ану-балассу-икби, сына Нидинту-Ану (BgM. Beih. 2. 6: 43; 172 г. до н. э.).

В письме из Урука фигурирует некий персонаж с греческим именем Hi-ru-tu-(û)-su, сын Zu-i-lu-su (Зоила), который упоминается и в небольшом фрагменте другой таблички из Бит-Реша (BgM. Beih. 2. 114). Возможно, эти два документа как-то связаны между собой. Упоминание о Hīruṭsu, который, вероятно, жил или временно находился в деревне Сукайя, заставляет нас по-новому взглянуть на положение греков в эллинистической Вавилонии и их взаимоотношения с местным населением. Большинство греков в селевкидское и раннепарфянское время жило в полисах с привычными им социально-политическими и культурными устоями, но некоторые из завоевателей осели в местных городах, таких, как Урук или Ларса, приобретали дома по соседству с местными жителями, участвовали в их деловой жизни и заключали браки с ними⁴. Однако, как видно из письма Ану-балассу-икби, отдельные смелые представители греческого племени пошли, вероятно, еще дальше, поселившись в сельской местности и активно взаимодействуя с коренным населением страны. В письме есть еще одна интересная деталь: намек на существование связей между различными городами эллинистической Вавилонии, не часто ощущаемых на основании других документов этого периода. Вавилонянин Бел-убаллис-су был родственником по браку человека из деревни Сукайя, и с ним же брат Ану-балассу-икби отправил послание в Урук.

Письмо из селевкидского Урука заставляет усомниться в справедливости распространенных представлений о том, что аккадский язык задолго до установления господства Селевкидов превратился в язык науки, культа и права, в разговорной же практике жителей Вавилонии был полностью вытеснен арамейским. Аккадский язык, действительно, еще с конца VIII в. до н. э. начал сдавать свои позиции арамейскому, который в эпоху эллинизма служил в качестве разговорного языка для основной массы населения Ассирии и Вавилонии⁵ в отличие от официально-делового греческого. Однако широкое распространение арамейского языка не является еще бесспорным доказательством нежизнеспособности вытесненного им аккадского. Население Вавилонии в эллинистический период было неоднородным в этническом отношении, там находились греческие

³ Сведениями об адресатах письма автор обязан Н. О. Чехович.

⁴ О греках в эллинистической Вавилонии см.: Саркисян Г. Х. Греческая ономастика в Уруке и проблема Graeco-Babyloniaca // Древний Восток. 1976. 2. С. 181—217; Дандамаева М. М. Греки в эллинистической Вавилонии (По данным просопографии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 155—175.

⁵ Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 314, 354.

полисы⁶, вавилонские храмовые общины (из которых нам, по сути дела, известны лишь Урук и Вавилон) и, по-видимому, иудейские города⁷. Остальное население этого региона, судя по документам и надписям из Дура-Эвропос, Хатры и некоторых других городов, было арамейским (или арамеизированным), говорило на арамейском языке и носило по большей части арамейские имена. Арамеизация Вавилонии зашла достаточно далеко уже в конце VII в. до н. э.⁸, а в ахеменидское и селевкидское время ассирийцы и вавилоняне постепенно сливались с арамейским населением страны⁹. Однако, если греки, жившие в полисах и окруженные чуждым им в этническом, культурном и языковом отношении населением, на протяжении более чем четырех веков говорили на греческом языке, сохранив его почти таким же, каким был он в конце IV в. до н. э.¹⁰, то можно допустить, что и жители оставшихся вавилонских общин в позднее время продолжали говорить по-аккадски. Судя по клинописным контрактам из Урука, население этого города в селевкидский период было однородным в этническом отношении. Большинство персонажей контрактов носят вавилонские (причем характерные именно для Урука) имена, даже ономастика рабов по большей части типично урукская¹¹. Имена арамейского происхождения встречаются редко, особенно по сравнению с ахеменидским периодом¹². Похожую картину можно наблюдать и в хозяйственных текстах из Вавилона, хотя репертуар имен (по преимуществу тоже вавилонских) уже совсем иной: в качестве теофорных элементов вместо Нанайи и весьма популярного в позднем Уруке Ану служат Бел, Мардук, Набу. Относящиеся к селевкидскому времени копии культовых и литературных текстов и хозяйственные документы свидетельствуют о том, что жители оставшихся вавилонских городов хранили традиции древней культуры, лишь по необходимости приспособляясь к новым порядкам. Вавилонские города пользовались самоуправлением и, возможно, занимали привилегированное положение в империи Селевкидов, служа, как и греческие полисы, опорой царствующей династии¹³. Относительная этническая чистота жителей вавилонских городов, их самоуправление, возможно, привилегированное положение и связанная с этим обособленность от прочего населения страны, верность традициям вавилонской культуры, привычному образу жизни служат достаточными предпосылками сохранения жителями этих городов разговорного аккадского языка. Доказательства же жизнеспособности аккадского следует искать в текстах (в ос-

⁶ Свидетельства о греческих полисах на территории Месопотамии собраны в работе: Кошелев Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 81—113.

⁷ Пудеев, живших на территории эллинистической Вавилонии, упоминает Иосиф Флавий (Ant. Jud. XII. 147—149; XVIII. 310—373).

⁸ Greenfield J. C. Babylonian-Aramaic Relationship // Mesopotamien und seine Nachbarn: 25 Rencontre assyriologique internationale, Berlin, 1978. B., 1982. S. 471. Об арамеизации населения Месопотамии в селевкидское время см. Funk B. Uruk zur Seleukidenzeit. B., 1984. S. 25 f. Там же предшествующая литература по вопросу.

⁹ Дьяконов. Язык... С. 354.

¹⁰ Welles C. B. The Hellenism of Dura-Europos // Aegyptus. 1959. 39. Fasc. 1—2. P. 25.

¹¹ Sarkisjan G. Ch. Die Sklaven im Uruk der hellenistischen Zeit // AfO. 1982. Beih. 49. S. 139.

¹² McEwan G. J. P. Priest and Temple in Hellenistic Babylonia. Wiesbaden, 1981. P. 183. № 421.

¹³ Саркисян Г. Х. Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1952. № 1. С. 68, 81—83; он же. О городской земле в селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1953. № 1. С. 60, 65.

новном частно-правовых контрактах) селевкидского времени. Язык этих документов крайне беден и однообразен, набор слов и знаков весьма ограничен и почти не варьируется от текста к тексту. В эпоху Селевкидов сокращается число видов документов и упрощается их формуляр (ставший почти одинаковым для всех видов сделок)¹⁴, что еще больше сужает их лексический репертуар и силлабарий. Однако и этих текстов достаточно для того, чтобы увидеть, что аккадский позднего времени значительно отличается от литературного вавилонского. Прежде всего это выражается в нерегулярной передаче падежных, а иногда и глагольных окончаний, связанной с тем, что уже в нововавилонское время конечный гласный слова в живой речи не произносится, поэтому его начинают произвольно передавать на письме¹⁵. В текстах селевкидского (как и ахеменидского и нововавилонского) времени окончание винительного падежа почти не встречается, существительные в именительном падеже стоят там, где с точки зрения классического языка следует ожидать косвенного падежа, при согласовании прилагательного с существительным нередко не совпадают их род и падеж¹⁶. Эти «ошибки», постоянно встречающиеся в селевкидских документах, иногда приводятся в доказательство того, что аккадский давно уже был мертвым языком, которым плохо владели даже писцы¹⁷. Однако причину нерегулярной передачи падежных окончаний и других отклонений от классической грамматики скорее, как нам кажется, следует объяснять тем, что тексты отражали изменения, происходившие в языке. Но если язык продолжал развиваться, пусть даже в сторону упрощения и своего рода деградации, то он еще был жив. О жизнеспособности аккадского в ахеменидское и селевкидское время говорят и некоторые изменения, произошедшие в фонетике (*š* после *n* переходит в *z* или *s*) и грамматике поздневавилонского языка по сравнению с нововавилонским¹⁸. Другим свидетельством того, что аккадский язык был жив в селевкидское и даже раннепарфянское время, служат так называемые тексты *Graeco-Babyloniaca*, на которых мы подробно остановимся ниже. Большинство табличек этой серии содержат на лицевой стороне клинописный текст, на оборотной — транскрипцию этого же текста греческими буквами. Посредством греческого алфавита передается не письменный вариант слова, а его реальное произношение, только этим можно объяснить отсутствие в греческом варианте конечных гласных, вставные гласные, не изображавшиеся на письме, но произносившиеся, по-видимому, в живой речи (*šarliš* — *σαρλις*¹⁹, *ikleti* — *ικλετις*, *qabri* — *χαβρ*²⁰, и такие соответствия, как *mu-šir-ri* — *μοσιρ*, *na-ma-ri* — *ναμαρ*, *u₄-mu-ω*, *mu-uh₃-hi-o₂*²¹. Греческая транскрипция аккадских слов со всей очевидностью свидетель-

¹⁴ О формуляре и видах клинописных контрактов селевкидского времени см.: *Krückmann O.* Babylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden aus der Zeit Alexanders und der Diadochen. Weimar, 1931; *Doty L. T.* Cuneiform Archives from Hellenistic Uruk: Diss. Yale Univ., 1977. P. 50—118.

¹⁵ *Hyatt J. P.* The Treatment of Final Vowels in Early Neo-Babylonian. New Haven, 1941; Дьяконов. Языки... С. 317.

¹⁶ Подробному анализу встречающихся в селевкидских текстах отклонений от классического аккадского языка посвящена работа: *Goossens G.* L'Accadien des clercs d'Uruk sous les Séleucides // *Muséon*. 1942. 55. P. 61—86.

¹⁷ *Idem.* Au déclin de la civilisation babylonienne: Uruk sous les Séleucides // *Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques*. 1941. Sér. 5. T. 27. P. 226.

¹⁸ *Soden W. von.* Grundriss der akkadischen Grammatik. Roma, 1952. S. 246. § 193.

¹⁹ *Sollberger E.* Graeco-Babyloniaca // *Iraq*. 1962. 24. P. 65.

²⁰ *Geller M. J.* More Graeco-Babyloniaca // *ZA*. 1983. Bd. 73. Hlbd 1. S. 144 f.

²¹ *Ibid.*

стствует о разнице в их традиционном, исторически обусловленном написании и реальном произношении, а тем самым о жизнеспособности аккадского языка в селевкидское — раннепарфянское время.

Что касается арамейских пометок на полях табличек, делавшихся, как нередко считают, потому, что клинописный текст бы плохо понятен самим чиновникам²², то они характерны для ахеменидского периода и почти совершенно исчезают в селевкидское время²³. Впрочем, в селевкидских документах нередко встречаются арамеизмы²⁴, которые служат, на наш взгляд, еще одним доказательством того, что аккадский язык был жив — ведь только живой язык может активно взаимодействовать со своими соседями²⁵.

На аккадском языке писали не только научные и культовые тексты, доступные лишь немногим, но и строительные надписи²⁶, почетные декреты, протоколы собраний, составлялись разного рода хозяйственные документы: частно-правовые контракты, регистрирующие сделки, кви-

²² Goossens. Au déclin... P. 226.

²³ McEwan. Priest... P. 183. Как заметил Кауфман, некоторые из арамейских пометок на табличках ахеменидского времени могли быть всего лишь транслитерацией аккадских слов и предназначались, следовательно, для людей, знавших аккадский язык, но не знакомых с клинописной системой письма (Kauffman S. A. The Akkadian Influences on Aramaic. Chicago — London, 1974. P. 156).

²⁴ О влиянии арамейского языка на ново-позднееавилонский см.: Soden von. Grundriss... S. 246; idem. Aramäische Wörter in neu- und spätbabylonischen Texten: Ein Vorbericht // Orientalia. 1966. 35. S. 1—20; 1968. 37. S. 261—271; 1977. 46. S. 183—197. Примеры арамеизмов в документах из селевкидского Урука см.: Doty. Cuneiform Archives... P. 86, 247; Greenfield. Babylonian-Aramaic... P. 472 f. См. также Funck. Uruk... S. 31 f.

²⁵ В греческих документах и надписях из эллинистической Вавилонии встречаются выражения, по-видимому, переведенные с аккадского. В документах первых веков новой эры из Дура-Эвропос при указании цены объекта сделки встречается фраза ἀργυρίου καλὸς x δράχμα — «х драхма хорошего серебра» (Welles C. B., Fink B. O., Gilliam J. F. The Parchments and Papyri // The Excavations at Dura-Europos, Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report. V. Pt 1. New Haven, 1959. N 17 : 41, N 20 : 6, N 23 : 4—5, N 25 : 29). Объяснение этой фразы, поставившей в тупик специалистов по нумизматике (так как упоминание о «хорошем» серебре заставляет думать, что было еще и плохое серебро), следует, как нам кажется, искать в клинописных документах позднего времени, где в таком же контексте встречается указание: x mana kasra qalû (х мни оцененного серебра). Греческая фраза, вероятно, — перевод соответствующей аккадской, qalû ассоциировалось с καλός (в родительном падеже καλός) из-за схожести их звучания и значения. Перевод мог быть только с аккадского на греческий, а не наоборот, так как, во-первых, аккадское qalû засвидетельствовано в текстах гораздо раньше прихода греков в Вавилонию, во-вторых, выражение имеет удовлетворительное значение лишь в аккадском языке, в греческом же совершенно непонятно. В пользу этого предположения говорит и то, что все упомянутые документы были составлены не в Дуре-Эвропос, а в деревнях вокруг него, контрагенты же по большей части — негречи. Поскольку документы, содержащие эту фразу, относятся к очень позднему времени и негреческое население Дуре-Эвропос и окрестностей было араменизированным лишь с очень небольшой примесью вавилонских элементов, то приходится предположить, что заимствование шло через арамейский язык. На остраконе из Вавилона засвидетельствована калька с аккадского выражения ša šum-šu šanû (другое имя которого) — ὁ ἀλλο βουρα (Haussoullier B. Inscriptions grecques de Babylone // Klio. 1909. Bd. 9. N 2. P. 362; Koschaker P. Zu den griechischen Rechtsurkunden aus Dura in Mesopotamia // Zeitschrift der Savigny-Stiftung. Rom. Abt. 1926. 46. S. 296. N 4).

²⁶ См., например, надпись Антиоха I (269 г. до н.э.), сообщающую о восстановлении Эсагилы, храма Бела в Вавилоне и Эзиды, храма Набу в Борсиппе (Weissbach F. H. Die Keilinschriften der Achämeniden // VAB. 1911. Bd 3. S. 132—135); надпись правителя Урука Ану-убаллита — Никарха (244 г. до н.э.) в святилище Бит-Реш (YOS I. N 52; Falkenstein A. Topographie von Uruk // ADFU. 1941. Bd 3. S. 4—5); надпись правителя Урука Ану-убаллита — Кефалона (212 г. до н.э.), сообщающую о постройках в честь Ану и Анту (Falkenstein. Topographie... S. 6—7).

танции, расписки, наконец, письма ²⁷. Трудно представить себе, что писец мысленно переводил текст с арамейского на аккадский, а потом записывал его. Нестандартные фразы, иногда встречающиеся в урукских контрактах (добавления, пояснения, оговорки и т. д.) тоже говорят в пользу того, что аккадский язык продолжал еще функционировать в качестве разговорного. Писцы II тыс. до н. э., составлявшие юридические документы на мертвом уже шумерском, оставались верны этому языку лишь в стандартных частях формуляра, все же нестандартные приписки делались по-аккадски ²⁸. Похожую ситуацию можно наблюдать и в Передней Азии ахеменидского времени, где лишь стандартные обороты формуляра писались по-арамейски, остальное — на родном писцу том или ином иранском языке (но арамейской скорописью) ²⁹. Ничего подобного нельзя сказать об урукских клинописных контрактах. Нестандартные фразы хотя и редко, но встречаются, и не заметно, чтобы составителю документа писать их было труднее, чем остальной текст. Все эти обстоятельства указывают, как нам кажется, на то, что в вавилонских храмовых общинах в селевкидское время еще говорили по-аккадски. По-видимому, аккадский не был единственным разговорным языком даже в этих городах и сосуществовал с арамейским, но арамейских текстов из селевкидского Урука известно очень мало ³⁰, а из Вавилона пока не известно вообще, возможно, потому, что материал, на котором писали эти тексты, не выдерживал климата Вавилонии ³¹. Не исключено, что столь долгая жизнь аккадского языка отчасти объясняется тем, что жители немногочисленных собственно вавилонских городов, пытаясь противостоять массе невавилонского населения страны, сознательно сохраняли аккадский язык. Селевкиды, по-видимому, не только не мешали этому, но, судя по клинописной надписи Антиоха I (см. прим. 26), благосклонно относились к сохранению храмовыми общинами своего языка. Аккадский язык окончательно умирает, вероятно, уже в парфянское время, когда гибнет, лишившись самоуправления, вавилонская храмовая община, и тем самым приходит конец обособленности вавилонян. Однако язык не мог умереть мгновенно с приходом парфян, в начале парфянского периода аккадский продолжает, по-видимому, служить в качестве разговорного — об этом свидетельствуют упоминавшиеся уже таблички Graeco-Babyloniaca.

В Британском музее и в некоторых других музеях мира хранятся таблички, содержащие на лицевой стороне отрывки клинописных литератур-

²⁷ Кроме упомянутого письма из Урука, известно несколько писем и фрагментов (не считая стилизованных под письма хозяйственных документов) из Вавилона: CT 49, 118, 122, 126, 142, 171, 181—182, 191—192 (см. *Oelsner J. Rez.*: CT 49 // ZA. 1971. Bd 61. S. 165 f.). Еще одно письмо из Вавилона содержит дату: 16 день месяца *кислуму* 148 г. до н. э. (*Strassmaier J. N. Einige kleinere babylonische Keilschrifttexte aus dem Britischen Museum // Actes du Huitième congrès international des orientalistes. Deuxième partie. Section I. Leiden, 1983. Beilage, N 32; Ebeling E. Glossar zu den Neubabylonischen Briefen. München, 1953. S. 262 f.*). В этом письме упомянут написанный на пергаменте (следовательно, по-гречески или по-арамейски) документ (^{kus}GID.DA) из парского архива, касающийся приданого некоей вавилонянки Атирту.

²⁸ *Дьяконов И. М.* Научные представления на древнем Востоке // *Очерки естественно-научных знаний в древности.* М., 1982. С. 68.

²⁹ Там же. С. 114.

³⁰ Список сохранившихся арамейских надписей из Урука см. в работе: *Black J. A., Sherwin-White S. M. A Clay Tablet with Greek Letters in the Ashmolean Museum // Iraq. 1984. V. 46. Pt 2. P. 138. N 41.*

³¹ В опубликованном выше письме упомянуто послание, написанное на пергаменте (*BgM. Beih. 2. 113:6*), т. е., надо полагать, на арамейском языке.

ных, культовых и лексикографических текстов (иногда в две колонки: на шумерском и аккадском языках), на оборотной стороне — транскрипцию этих же текстов греческими буквами³². Исключение представляет опубликованная Шилейко табличка, которая содержит текст лишь на лицевой стороне — сделанную греческими буквами на аккадском языке надпись с пожеланием благополучия некоему Бел-ипушу³³. Две недавно опубликованные таблички из Эшмоллеанского музея в Оксфорде³⁴ исписаны с обеих сторон греческими буквами, но язык текста не аккадский³⁵. Все таблички Graeco-Babyloniaca происходят, по-видимому, из Вавилона. Судя по фонетике греческого языка и почерку писца, они относятся к периоду с конца II в. до н. э. до середины I в. н. э.³⁶, т. е. это самые поздние клинописные тексты, не считая табличек астрономического содержания. Тексты Graeco-Babyloniaca подробно исследовались с точки зрения фонетики позднеаккадского языка³⁷, однако не менее важен другой вопрос: кто и с какими целями писал аккадские тексты греческими буквами? Назначение этих табличек не вызывает сомнений: большинство из них изготовлялось в целях обучения и повторяет известные аккадские лексические и литературные тексты. Пинчес, Ван дер Meer и Солльберже полагают, что составителями текстов были греки, изучавшие аккадский язык³⁸. Той же точки зрения склонны придерживаться Блэк и Шервин-Уайт³⁹. Однако это утверждение вызвало возражения Эльснера, заметившего, что нет оснований ожидать от завоевателей подобного интереса к языку покоренного ими народа, да еще в столь позднее время, когда вавилонская культура окончательно угасает⁴⁰. Трудно не признать справедливость этого замечания, особенно если вспомнить, что таблички Graeco-Babyloniaca относятся к тому времени, когда сами вавилоняне уже перестают пользоваться клинописью. Гораздо больше оснований, считает Эльснер, видеть в авторах табличек Graeco-Babyloniaca вавилонян. Большинство табличек этой серии было найдено вместе с другими клинописными текстами (астрономическими и литературными) и принадлежали, по всей видимости, одним и тем же людям⁴¹. Серьезный аргумент в пользу предположения Эльснера — опубликованная Шилейко табличка, которая, по-видимому, была составлена не в учебных целях и упоминает человека с вавилонским именем. Сам издатель текста еще около 60 лет назад заметил, что греческий алфавит вошел в повседневную

³² Публикации текстов Graeco-Babyloniaca: *Pinches T. G. Greek Transcriptions of Babylonian Tablets* // PSBA. 1902. V. 24. N 181. P. 108—119; *Sayce A. H. The Greeks in Babylonia; Graeco-Cuneiform Texts* // Ibid. P. 120—125; *Meer P. E. van der. Topographical Texts of Babylon* // AFO. 1940. Bd 13. Ht 3. S. 124—127; *Sollberger. Graeco-Babyloniaca...*; *Geller. More Graeco-Babyloniaca...*

³³ *Schileico W. G. Ein babylonischer Weihetext in griechischen Schrift* // AFO. 1928. Bd 5. Ht 1. S. 11—13.

³⁴ *Black, Sherwin-White. A Clay Tablet...* P. 131—140.

³⁵ Некоторые сочетания букв могли передавать арамейские слова, однако нет достаточных оснований утверждать, что язык текста — именно арамейский (ibid. P. 138. № 41.)

³⁶ *Sayce. The Greeks...* P. 120; *Sollberger. Graeco-Babyloniaca...* P. 63.

³⁷ См., например: *Ungnad A. Zur Aussprache des Spätbabylonischen* // MAOG. 1928/29. 4. S. 220—225; *Дьяконов. Языки...* С. 315—318.

³⁸ *Pinches. Greek Transcriptions...* P. 113; *Sollberger. Graeco-Babyloniaca...* P. 63; *Meer van der. Topographical Texts...* P. 125.

³⁹ *Black, Sherwin-White. A Clay Tablet...* P. 138 f.

⁴⁰ *Oelsner J. Zur Bedeutung der «Graeco-Babyloniaca» für die Überlieferung des Sumerischen und Akkadischen* // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. 1973. Bd 17. Ht 3. S. 357.

⁴¹ Ibid. S. 358.

жизнь вавилонских жрецов⁴². Издатели текстов Graeco-Babyloniaca, утверждающие, что таблички запечатлели усилия греков, изучавших аккадский и шумерский языки, не обратили должного внимания на весьма важную деталь: отсутствие греческого перевода этих текстов. Авторы табличек не изучали аккадский язык, они несомненно уже знали его, проблему для них представляла именно система письма — клинопись. Это обстоятельство тоже заставляет видеть в авторах текстов вавилонян, а не греков⁴³.

Эльснер выдвинул гипотезу, в соответствии с которой таблички Graeco-Babyloniaca свидетельствуют о попытках вавилонян использовать греческий алфавит для нужд аккадского языка⁴⁴. Возможно, как считает Эльснер, клинописные тексты (кроме табличек астрономического содержания) исчезают в конце II — начале I в. до н. э. именно потому, что клинописная система письма уступила место греческому алфавиту, греческими же буквами удобнее писать не на глине, а на пергаменте, папирусе, деревянных табличках, покрытых воском, — т. е. на материалах, для которых гибелен климат Вавилонии. Этим же, с точки зрения Эльснера, можно объяснить и отсутствие клинописных текстов селевкидского времени в некоторых городах, например в Нипшуре, на территории которого, судя по археологическим находкам, существовало поселение эллинистического времени. Попытки использования сначала арамейского письма, а потом греческого алфавита для других языков засвидетельствованы в разных областях Передней Азии⁴⁵, в том числе в Дуре-Эвропос⁴⁶, поэтому предположение это вполне правдоподобно. Остроумная гипотеза Эльснера не объясняет, однако, цели составления табличек Graeco-Babyloniaca. По мнению исследователя, это ученические упражнения вавилонян, учившихся писать греческим алфавитом, т. е. ученику была известна клинопись, но неизвестен или плохо известен греческий алфавит⁴⁷. Однако неадекватная передача клинописного текста греческими буквами и сама структура таблички, напоминающая шумеро-аккадские силлабарии (первая колонка, в данном случае — лицевая сторона, содержит клинописный текст, вторая — реверс — текст, написанный греческими буквами), заставляет думать, что именно обратная сторона была объяснением лицевой. Недаром издатели текстов Graeco-Babyloniaca считали, что составителями их были греки, записывающие греческими буквами труднодоступный им клинописный текст. Автор табличек производил, по сути дела, ту же работу, которую делает сегодня любой ассиролог, передающий клинописный текст латинскими буквами. Еще больше эти тексты подходят на транскрипцию, широко использующуюся, например, в современном английском языке, где существует весьма ощутимый разрыв между написанием и произношением слова. Причем транскрипция обязательно приводится не только в двуязычных словарях, но и в любом словаре английского языка, так как чтение слова может представлять трудности и для самих носителей английского языка, в первую очередь для школьников. Если авторами табличек были вавилоняне, а не греки, то не сле-

⁴² *Schileico*. Ein babylonischer Weihetext... S. 11 f.

⁴³ Эдгард обратил внимание на то, что в опубликованном Геллером отрывке гимна к Иштар греческая транскрипция расположена так, чтобы конец строки доходил до правого края таблички, т. е. писец привык писать в клинописи (*Geller*. More Graeco-Babyloniaca... P. 119. N 4. Устное сообщение Эдгарда Геллеру).

⁴⁴ *Oelsner*. Zur Bedeutung... S. 358 f.

⁴⁵ *Ibid*. S. 359.

⁴⁶ *Cumont F.* Fouilles de Doura-Europos (1922—1923). T. I. P., 1926. P. 367.

⁴⁷ *Oelsner*. Zur Bedeutung... S. 360.

дует ли видеть в текстах Граесо-Babyloniаса свидетельство того, что уже сами вавилоняне плохо понимали клинопись, тем более что с ее помощью трудно стало адекватно передавать изменившуюся фонетику аккадского языка? Не представлял ли написанный греческими буквами вариант текста транскрипцию, необходимую самим носителям языка, для которых чтение клинописных литературных текстов представляло проблему? Во всяком случае, клинописная система письма в эллинистическое время переживает кризис. Она уже не способна отражать реальное произношение, создавая таким образом трудности при чтении и написании текстов, она крайне громоздка и неудобна в употреблении по сравнению с арамейской системой письма и особенно греческим алфавитом, о котором не могли не знать вавилоняне в эпоху эллинизма. Чрезвычайная бедность и однообразие языка хозяйственных текстов селевкидского времени, которые заставляют думать, что сами писцы уже плохо знали аккадский, скорее объясняется тем, что они с трудом владели клинописной системой письма, так как силлабарий писца в селевкидское время был крайне ограничен, и можно почти безошибочно предсказать, какими именно знаками или идеограммами будет изображено то или иное слово. Однако вавилоняне продолжали изучать и использовать клинопись пока это было возможно, по-видимому, потому, что она оставалась символом и средством существования древней вавилонской культуры. Не случайно, вероятно, все известные таблички Граесо-Babyloniаса датируются столь поздним временем. Первые попытки писать по-аккадски греческими буквами могли относиться уже к селевкидскому периоду, но более широко греческий алфавит начинает применяться для передачи аккадских текстов скорее всего уже в парфянское время, когда гибнет вавилонская храмовая община и все свойственные ей учреждения и традиции, и вавилонянам приходится приспосабливаться к новой обстановке. Попытки использовать греческий алфавит для нужд аккадского языка еще раз заставляет усомниться в «смерти» этого языка — не легче ли было бы в таком случае просто отказаться от него и писать по-арамейски или по-гречески? Возможно, вопреки обычным представлениям о том, что клинопись на века пережила живой разговорный язык, язык пережил систему письма, хотя, по всей видимости, ненадолго ⁴⁸.

М. М. Дандамаева

⁴⁸ Ямвлих (III в. н. э.) сообщал в своем произведении «Вавилонская повесть», что он научился «вавилонскому языку», преданиям и магии от вавилонянина, попавшего в плен во время похода Траяна (*Jambli. X*). Однако это замечание не может служить сколько-нибудь надежным свидетельством того, что аккадский язык (особенно разговорный) был известен еще во II в. н. э., так как несмотря на все старания Ямвлиха придать своему произведению вавилонский колорит очевидно полное незнание автором вавилонских реалий, ономастики, историй, литературы. Упоминание о «вавилонском языке» скорее всего объясняется дошедшими до Ямвлиха слухами о существовавшем когда-то в Вавилонии древнем языке. Само же замечание об учителе-вавилонянце, по-видимому, — не более чем литературный прием, рассчитанный на доверчивого читателя, у которого уже не будет сомнений в том, что история, рассказанная Ямвлихом, представляет собой древнюю вавилонскую легенду.

LETTRE DE L'URUK DES SÉLEUCIDES

(A propos de l'«extinction» de la langue akkade)

M. M. Dandamajeva

Les lettres d'Uruk et de Babylone de l'époque des Séleucides qui ont récemment été publiées incitent à voir sous un autre jour le problème de l'«extinction» de l'akkadien. Malgré la large diffusion de l'araméen dans la population de la Babylonie achéménide et séleucide, l'akkadien parlé a pu continuer à fonctionner dans les cités-emples qui subsistaient, par exemple à Uruk et à Babylone. Ceci était rendu possible par l'homogénéité ethnique relative de la population des villes babyloniennes, par leur autoadministration, par l'absence de contacts entre eux et les autres habitants de la Babylonie et par leur fidélité aux traditions de la culture ancestrale. La preuve de la viabilité de l'akkadien est fournie par les écarts par rapport à la langue classique et même néobabylonienne attestés par les documents de l'époque séleucide, surtout dans la série des tablettes *Graeco-Babyloniaca* que témoignent de différences entre l'orthographe traditionnelle, historiquement motivée, des gloses akkadiennes et leur prononciation réelle. On peut aussi considérer en tant qu'autres témoignages de la viabilité de l'akkadien les rapports entre cette langue et les langues araméenne et grecque, ainsi que les phrases non standard des documents séleucides qui indiquent que le scribe ne connaissait pas seulement des formules standard apprises par coeur.

Les tablettes *Graeco-Babyloniaca* permettent une vue nouvelle du rapport entre la langue akkadienne et l'écriture cunéiforme de l'époque tardive. Selon l'auteur, les textes *Graeco-Babyloniaca* ont été rédigés non par des Grecs, mais par des Babyloniens, et étaient une transcription dont avaient besoin les locuteurs eux-mêmes de l'akkadien pour qu'ils puissent lire les textes cunéiformes. La lecture des textes cunéiformes faisait problème à cause de l'écart entre leur orthographe traditionnelle et leur prononciation. Il est possible que la prétendue extinction de l'akkadien à une époque tardive ne fut en réalité qu'une crise du système d'écriture cunéiforme si compliqué et si paralysé par la nécessité de respecter intégralement la tradition qu'il ne permettait pas de rendre de façon adéquate les changements intervenant dans la langue parlée et créait ainsi des difficultés d'écriture et de lecture.
